

а она к нему просто и заботливо»¹. И по страницам его подробнейших воспоминаний она проходит какой-то бледной, неясной тенью.

Тем не менее жизнь меняет русло, и Фет снова оказывается в Париже (невеста уехала на лечение за границу) совсем в ином настроении, чем всего несколько месяцев назад. «Свадьба Фета совершается 2 сентября — и я обещал быть у него шафером. Он ужасно весел, болтлив и счастлив. Дай Бог ему счастья! Он добрый, он его заслуживает»² (Тургенев — Некрасову, 12/24 августа 1857 г.). Свадебный обед на двенадцать персон был великолепен, «прекрасного вина, в том числе и шампанского, было много, и под конец обеда Тургенев громко воскликнул: „Я так пьян, что сейчас сяду на пол и буду плакать!“»³ Заканчивая рассказ о переломном событии своей жизни в воспоминаниях, Фет не забудет деловито сравнить тогдашние и нынешние цены.

Ваше мнение о браке и супружеской жизни?

— Что это естественная тягота, которую надо уметь носить.

С армейской лямкой было покончено. После возвращения в Россию увольнение плавно переходит в бессрочный отпуск и завершается отставкой. Фет хоронит брата, снова помещает в лечебницу сестру (после недолгого улучшения, во время которого она, по настоянию брата, выходит замуж за давно влюбленного в нее И. Борисова) и решает, так и не став потомственным дворянином Шеншиным, сделаться помещиком.

В июле 1860 года, после трех лет московской жизни, он покупает 200 десятин земли в Мценском уезде, по соседству с родными Новоселками. Это событие в очередной раз круто меняет его жизнь. От недавней хандры (он жаловался на нее Тургеневу еще летом 1860 года, незадолго до покупки) не остается и следа.

«Я видел Фета и даже был у него. Он приобрел себе за фабулезную сумму в 70 верстах отсюда 200 десятин голы,

безлесной, безводной земли с небольшим домом, который виднеется кругом на 5 верст и возле которого он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые не принялись... Не знаю, как он выдержит эту жизнь (точно в пирог себя запек)...»¹ (Тургенев — Анненкову, 7 июня 1861 г.).

«Он теперь сделался агрономом — хозяином до отчаянности, отпустил бороду до чресл — с какими-то волосяными вихрами за и под ушами — о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом»² (Тургенев — Полонскому, 21 мая 1861 г.).

Тургеневский скептицизм, однако, не оправдался. Уже осенью того же года Борисов рассказывает ему: «Степановка все хорошеет. Мария Петровна делается отличной хозяйкой, все у них идет хорошо и ладно. Он неутомимо сооружает себе поместье Степановку — это его мысли, и это-то поддает все новые и новые силы. По его письмам можно слышать, что там за шум и говор рабочий, и стройка, и молотьба, и копанье, а все еще ему мало»³.

Прощанием с Музой («Музу прогнал взащею», Тургенев) стало изданное в 1863 году двухтомное собрание стихотворений. Оно было встречено редкими доброжелательными отзывами и потоком резких статей, пародий, эпиграмм. Подлинной причиной критических разносов (лирика была здесь лишь поводом) стала публицистика Фета, «роман русского помещика» нового времени, который сочинялся почти два десятилетия.

В 1862 году в «Русском вестнике» появляются «Заметки о вольнонаемном труде», потом в разных журналах публикуются очерки «Из деревни», завершается цикл, пожалуй, статьей «Наши корни» (1882), напечатанной под псевдонимом «Деревенский житель» в том же «Русском вестнике».

Эти тексты составили Фету славу отчаянного реакционера, обскуранта, крепостника, замшелого консерватора, для прикрытия пишущего милые стишки о природе. «Он поет тоненькою фистулою о душистых локонах и еще более трогательным голосом жалуется печатно на работника Семена. Благодаря ра-

¹ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1976. С. 362.

² Тургенев. Т. 3. С. 145.

³ Фет А. Мои воспоминания. Ч. 1. С. 203.

¹ Тургенев. Т. 4. С. 255.

² Там же. С. 240.

³ Письмо И. П. Борисову от 12 октября 1861 г. // Тургеневский сборник. Л., 1967. Т. 3. С. 352.